

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1897**

Выпуски 5-8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1897: Выпуски 5-8 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 676 с.

ISBN 978-5-458-42464-6

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1897. Выпуски 5-8 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-42464-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

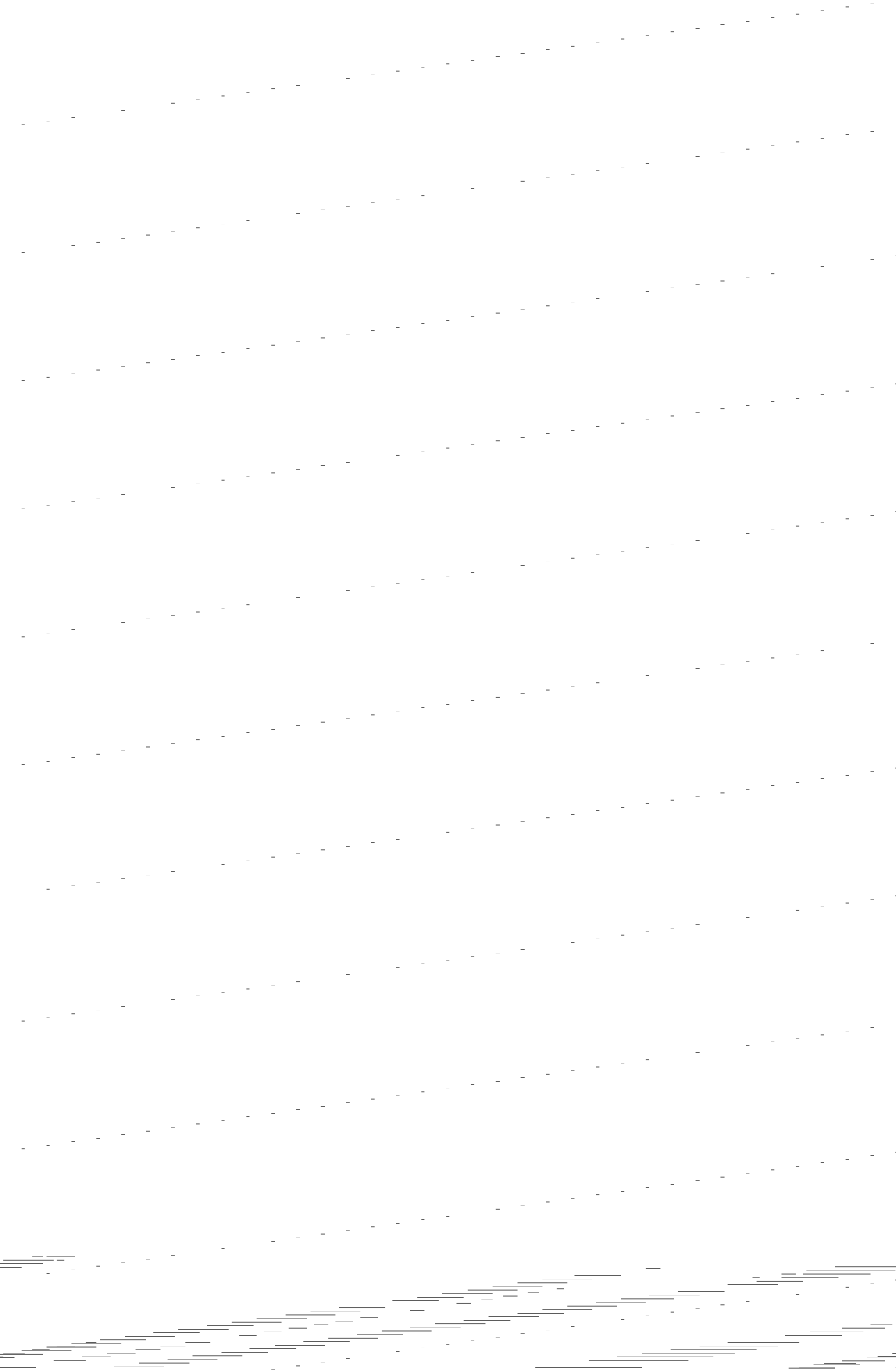
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

1824—1827.

Въ утро моего выезда изъ родительскаго дома, мать моя повезла меня въ церковь «Аннуциаты» (Благовѣщенія), а тамъ передъ чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы, обливаясь слезами, передала меня подъ святую Ея охрану. Эта сцена не изгладилась никогда изъ моей памяти: даже во дни разгульной моей жизни я неоднократно ощущалъ, что меня бережетъ Небесная моя Покровительница, и увѣренность эта особенно ободряла меня въ Кувлевчинскомъ сраженіи, 12 Мая 1829 года.

Мои родители нашли удобнымъ воспользоваться отъездомъ изъ Флоренціи въ Галицію графа Льва Севериновича Потоцкаго, чтобы мнѣ и г. Слоану совершить путь вмѣстѣ съ нимъ и съ его семействомъ на томъ, быть можетъ, основаніи, что ни я, ни мой наставникъ вовсе не знали по-нѣмецки. Такъ какъ впоследствии мы не будемъ болѣе встрѣчаться съ графомъ Львомъ Потоцкимъ, то скажу здѣсь, что онъ былъ позднѣе нашимъ представителемъ при Шведскомъ дворѣ, и что ему принадлежала Ливадія въ Крыму, купленная нашимъ императорскимъ дворомъ.

Графиня Елисавета Николаевна Потоцкая должна была провести предстоявшее лѣто съ двумя малолѣтними дочерьми на дачѣ въ окрестностяхъ Львова. Въ Венеціи, гдѣ мы пробыли пять или шесть дней, мы опять свидѣлись съ Флорентинскимъ нашимъ знакомымъ, графомъ Чиконіяра, который очень обрадовался увидѣть и принять насъ въ родномъ своемъ городѣ и показать намъ тамошнюю Академію Художествъ, основанію которой онъ содѣйствовалъ. Въ Венеціи же я въ первый разъ слышалъ грандіозную Россиніеву оперу «Семирамѣда», только что поставленную на сцену.

*) См. въ I-й книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 2, 3-й и 4-й.

Въ Вѣнѣ мы прожили съ недѣлю и обѣдали раза два у нашего посла, Дмитрія Павловича Татищева, («le bailli de Tatischeff», какъ обозначалось на его визитныхъ карточкахъ: а балли потому, что онъ былъ командоромъ Мальтійскаго ордена). Онъ считался въ родствѣ съ моимъ отцемъ и былъ чрезвычайно любезенъ и внимателенъ къ намъ. Секретарями посольства были графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ (нынѣшній оберъ-гофмаршалъ), женившійся вскорѣ на вдовѣ князя Зубова, г. Родофиникинъ, молодой князь Чарторижскій эпохондрическаго темперамента и Поликъ Бжостовскій, веселый, общительный человекъ и отличный теноровый пѣвецъ. Черезъ годъ я узналъ, что онъ застрѣлился; но по какой причинѣ, не знаю. Состоялъ также при посольствѣ г. Обрѣзковъ казавшійся одно время (вѣроятнымъ) женихомъ графини Екатерины Федоровны Тизенгаузенъ. Позднѣе, онъ былъ нашимъ резидентомъ въ Туринѣ, гдѣ его супруга (кто она была, не помню) ссорилась съ Туринскимъ дворомъ по дѣлу о кружевахъ (*barbes*), носить которыя она не имѣла права, по мѣстному этикету. Д. П. Татищевъ держалъ себя съ рѣдкимъ достоинствомъ въ сношеніяхъ съ дворомъ, при которомъ онъ былъ акредитованъ. Рассказывали на примѣръ, что, получивъ однажды официальнымъ путемъ табакерку для передачи князю Метерниху отъ имени императора Николая Павловича, онъ не счелъ нужнымъ поѣхать нарочно для этого къ Австрійскому первенствующему министру, но, пригласивъ его обѣдать, обратился къ нему во время стола, какъ будто невзначай, со словами: «кетати, князь, извольте получить табакерку, которую императоръ мой государь поручилъ мнѣ передать вамъ отъ его имени».

Чрезвычайно радушно встрѣтила меня Елисавета Михайловна Хитровъ, знавшая меня десятилѣтнимъ мальчикомъ: она временно проживала въ Вѣнѣ съ дочерью графиней Екатериною Федоровною Тизенгаузенъ у замужней своей дочери графини Даріи Федоровны Фиксельмонъ. Склонная къ экзальтаціи, Елисавета Михайловна махнула мнѣ, что она такъ пламенно любитъ всѣхъ Бутурлиныхъ, что желала бы, чтобы ктонибудь изъ нашего семейства заболѣлъ при ней, дабы доставить ей утѣшеніе ухаживать за нимъ. Не желалъ я конечно испытывать на себѣ доказательство столь нѣжной преданности ко всѣмъ носящимъ наше фамильное имя. Разъ на обѣдѣ у Татищева она высказывала при мнѣ свое удивленіе, что всѣ знакомые ей въ Вѣнѣ дипломаты придаютъ себѣ таинственную и замкнутую осанку, чуждую совершенно князю Метерниху, который въ бесѣдахъ съ нею всегда удовлетворительно отвѣчаетъ на всѣ ея вопросы по части политики. Наивная Елисавета Михайловна не подозрѣвала, что Австро-европейскій ми-

вистрѣ, свѣтскою своею любезностію и изворотливостію, обходилъ и обманывалъ женское любопытство. Оригинальное также мѣніе она высказала однажды, въ бытность ея еще во Флоренціи, на вечерѣ, гдѣ пѣла дочь Французскаго посланника графа Диллона, у которой былъ очень низкій контраalto. «Comme c'est touchant», сказала она, «d'entendre une si jeune fille chanter avec une voie de basse»¹⁾.

Въ обществѣ стали поговаривать тогда о Ротшильдахъ, начинавшихъ быть извѣстными въ финансовомъ мѣрѣ. Одинъ изъ надменныхъ представителей этой фирмы, по случаю переговоровъ съ шимъ о займѣ Австрійскимъ правительствомъ, выразился будто такъ: «la maison d'Autriche peut compter sur celle de Rotchild»²⁾; но одному изъ его братьевъ Французскій посолъ при Римскомъ дворѣ, герцогъ де-Лавалль-Монморанси, сказалъ: «Знаете ли, какая разница между нами? Я происхожу отъ перваго Христіанскаго барона, а вы—первый Еврейскій баронъ».

Я забылъ сказать, что мнѣ и моему наставнику сопутствовалъ нашъ Дмитрій Ломовъ, не только не утрапавшійся мысли сдѣлаться снова крѣпостнымъ, но съ восторгомъ, какъ и я, возвращавшійся на родину.

Дорогою изъ Вѣны до Львова мы съ гр. Потоцкимъ заѣзжали дня на три къ графу Альфреду Потоцкому, въ вельможное его Галицкое помѣстье Ланцуть, гдѣ онъ съ семействомъ жилъ въ средневѣковомъ феодальномъ замкѣ посреди парка и вѣковыхъ деревьевъ. Самъ хозяинъ былъ тогда въ отсутствіи, и насъ приняла съ Славянскимъ настоящимъ гостепрѣимствомъ хозяйка, рожденная княжна Сангушко. Мѣстное полу-русское доселѣ народонаселеніе, ватага дворовыхъ людей (тогда еще крѣпостныхъ), пыльное при закатѣ солнца возвращеніе крестьянскаго стада съ поля, все это такъ живо перенесло меня къ Русскому деревенскому быту, къ моему дѣтству въ Бѣлкинѣ, что я лишился сна, и наканунѣ отъѣзда, когда всѣ разошлись на ночь, я вышелъ въ садъ и во всю Майскую безсумрачную ночь (отъ которыхъ я отвыкъ въ Италіи) бродилъ по парку, а на разсвѣтѣ набросалъ карандашемъ два эскиза усадьбы и сада. Только ко времени утренняго общаго чая воротился я въ домъ, когда спутники мои уже готовились уѣзжать. По возвращеніи моемъ во Флоренцію, осенью

¹⁾ Какъ это трогательно слышать такую молоденькую дѣвушку съ басовымъ голосомъ.

²⁾ Австрійскій домъ можетъ рассчитывать на домъ Ротшильдовъ.

слѣдующаго 1825 года, мать моя, слушая восторженный мой рассказъ о кратковременномъ пребываніи въ Ланцутъ, сказала мнѣ, что имѣеть какъ бы предчувствіе, что я по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ женюсь на одной изъ дочерей графа Альфреда Потоцкаго, тогда еще малолѣтнихъ, но уже прехорошенькихъ. Не всегда сбывается, видно, материнское предчувствіе; впрочемъ, мать моя была изъ охотно вѣрующихъ въ возможность осуществленія того, чего мы пламенно желаемъ.

Во Львовѣ мы остановились на нѣсколько дней. Въ одно Воскресенье я пошелъ слушать обѣдню въ тамошнюю кафедральную католическую церковь (какъ привычно было мнѣ въ Итали по праздникамъ, когда не было православной церкви), и меня тамъ удивилъ одинъ мѣстный обычай. По окончаніи пѣтой миссы (обѣдни) весь народъ запѣлъ «трисвятное», выходившее на Польскомъ языкѣ: «Свентый Боже, свентый моцни, свентый десмертельны, змилуйся надъ нами». Этой молитвы не существуетъ въ Итальянскомъ переводѣ (какъ нѣтъ также въ Итали дополнительнаго богослуженія на народномъ нарѣчій), а самое «трисвятное», насколько помнится мнѣ, поется въ Латинскихъ церквахъ одинъ только разъ въ году на Страстной недѣлѣ. Въ описываемое время я не могъ давать себѣ отчета объ этомъ Львовскомъ обычаѣ; но теперь вижу, что онъ есть остатокъ отъ прежней православной церковной службы, до введенія уніи въ Галицкой Чермной Руси *).

Во Львовѣ мой охранитель и я разстались съ семействомъ Потоцкихъ и, вѣхавъ въ Россію, черезъ Радзивиловъ, мы направились въ имѣніе тестя моего брата Осипа Игнатьевича Полятовскаго, мѣстечко Таганчу, Киевской губерніи Богуславскаго (а нынѣ Каневскаго) уѣзда. У него мы прогостили не менѣе мѣсяца, и тамъ я впервые взялъ ружье въ руки и пристрастился къ охотѣ, хотя и тогда, и позднѣе, не отличался никогда, какъ стрѣлокъ, и только могъ убивать дичь въ сидячку, да и то рѣдко. О. И. Полятовскій былъ маленькій, сухощавый и живой старичекъ; онъ считался дальнимъ родственникомъ послѣдняго Польскаго короля Станислава-Августа, былъ при немъ пажемъ или находился въ составѣ его охранной гвардіи, ходилъ въ охотникахъ на Очковскій штурмъ въ 1786 году при князѣ Потемкинѣ и дослужился до полковничьяго чина въ старо-Польскомъ войскѣ. Когда князь Стани-

*) Довольно странно, что по Римскому ритуалу (требнику), единственный разъ въ году, когда совершается преждеосвященная литургія, приходится въ единственный день Страстной седмицы, когда въ православной церкви не бываетъ никакой литургіи, а именно, въ Великую Пятницу.

славъ, братъ послѣдняго Польскаго короля, рѣшился, въ первыхъ годахъ текущаго вѣка, переселиться въ Италію, то онъ запродалъ на дальніе платежныя сроки значительную часть своихъ помѣстій Кіевской губерніи О. И. Понятовскому, который неунынною дѣятельностію и смѣтливостію выплатилъ весь долгъ, устроилъ суконныя фабрики, обширное овцеводство и довелъ сельскохозяйственную часть до рѣдкаго совершенства. Въ 1824 г. у него уже была молотильная машина, едва извѣстная еще тогда. Позднѣе онъ вошелъ въ винооткупныя дѣла и съ выгодною держалъ самый Кіевъ*). Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ свѣжій и бодрый старикъ и не измѣнился еще въ 1835 году, когда мать моя и я съ женою мы гостили у него всю осень. Лѣтомъ и зимою онъ вставалъ въ 4 или 5 часовъ и до 11 часовъ занимался въ кабинетѣ съ своими управляющими и прикащиками или диктовалъ секретарю, расхаживая по комнатѣ, личную и дѣловую корреспонденцію. Въ 12 часовъ въ домѣ собирались къ завтраку, состоявшему изъ нѣсколькихъ блюдъ, которыя старичекъ нашъ на славу упивалъ. Въ часъ пополудни онъ садился на лошадь съ сыновьями и тѣми изъ гостей, которые умѣли ѣздить верхомъ, и объѣзжалъ свои хутора, пахатныя земли и отдаленныя овчарни, при чемъ всегда находился при немъ доѣзжацій со сворою борзыхъ, на случай что выскочить русакъ, и къ пяти часамъ возвращался объѣдать. Нерѣдко вся мужская компанія отправлялась съ нимъ на охоту со стаєю гончихъ и съ борзыми. Самъ Полякъ, онъ былъ весьма приверженъ къ нашему правительству, жилъ въ большихъ ладахъ съ Кіевскими генералъ-губернаторами и митрополитами и имѣлъ одно время собственный домъ въ Кіевѣ, гдѣ задавалъ иногда обѣды высшимъ властямъ. Два старшіе его сына, Евгеній и Маврикій (котораго звали всегда Ламбертомъ) Осиповичи, уже въ отставку въ 1824 году, служили—первый въ кавалергардскомъ полку, а второй первоначально въ гвардейскомъ конноегерскомъ полку, а оттуда перешелъ въ Варшаву въ гвардейскій Подольскій кирасирскій полкъ. Третій сынъ, Кесарь Осиповичъ (прозванный «le beau César», по своей красотѣ Испанскаго типа) былъ двумя или тремя годами старше меня, и служилъ тогда въ Одессѣ при графѣ М. С. Воронцовѣ, выхлопотавшемъ ему камеръюнкерство. Четвертый, Августъ Осиповичъ, годомъ старше меня, нигдѣ еще не служилъ, но мѣсяцевъ шесть позднѣе отецъ утекъ его въ Камчатскій пѣхотный полкъ въ наказаніе за сдѣланные имъ довольно значительные карточ-

*) Онъ умеръ въ 1844 году, въ глубокой старости, оставивъ большое состояніе. Изъ пяти его сыновей, трое которыхъ были женаты, ни у кого не осталось дѣтей, и наследниками ихъ имѣній теперь, племянникъ мой гр. Дмитрій Петровичъ Бутурлицъ и г. Шимановскій, мать котораго была дочерью старика Понятовскаго.

ные долги въ бытность его въ Кременецкомъ лицѣѣ. Онъ тянулъ юнкерскую лямку четыре года безъ малаго, потому что старикъ Понятовскій просилъ корпуснаго командира Сабашѣва не производить его въ офицеры. Пятый сынъ, Даріушъ Осиповичъ, немного моложе меня, только что вышелъ тогда изъ Кременецкаго лица и былъ болѣзненной комплекціи. У графа Понятовскаго было три дочери: старшая, Матильда, вышла замужъ нѣсколько лѣтъ до описываемаго мною времени, противъ воли родителей, за г. Шимановскаго; вторая была моею невѣсткою; третья Олимпія, молодая дѣвушка, много общавшая, преждевременно умерла въ концѣ 20-хъ годовъ. Г. Шимановскій участвовалъ въ Польскомъ возстаніи 1831 года и эмигрировалъ съ семействомъ въ Швейцарію, гдѣ его сынъ Освальдъ (нынѣ сопослѣдникъ моего племянника) пошелъ по медицинской части, такъ какъ средства этого семейства были крайне ограничены. Сама Понятовская, рожденная Грохольская, достойная вполне женщина, умерла отъ рака въ груди между 1827 и 1830 годами. Чета Понятовскихъ провела жизньъ какъ Филемонъ и Бавкида; но это не препятствовало старику Понятовскому рассказывать своимъ друзьямъ, что онъ никогда бы не женился, еслибы не предвидѣлъ возможности развестись со своею Юліей (какъ звали его жену). Не мѣшаетъ разъяснить одно обстоятельство въ связи съ намекомъ г. Понятовскаго, не всѣмъ, быть можетъ, извѣстное. Польскіе супруги часто расходятся вопреки каноническихъ правилъ ихъ церкви, и жены даже вступаютъ во второй бракъ при жизни мужей. Для этого надо доказать несостоятельность или не полную законность перваго брака, и для достиженія этой цѣли намѣренно оставляется какая нибудь лазейка, въ родѣ отступленія отъ формъ или обрядовъ, при самомъ вѣнчаніи, и дѣло въ шляпѣ. Подобныя хитрости не существуютъ, рѣшительно, въ прочихъ Римско-католическихъ странахъ и хорошо обрисовываютъ нравственное растлѣніе старой Польши.

У старика Понятовскаго былъ также оригинальный приемъ въ его сельско-хозяйственной администраціи. Онъ старался, чтобы всѣ его прикащики (по тамошнему, экономы) отдѣльныхъ фольварковъ (т. е. хуторовъ) жили межъ собою, какъ кошка и собака, и такимъ образомъ онъ узнавалъ о дѣйствіяхъ каждаго отъ нихъ. Противъ этой теоріи нашъ Иванъ Антоновичъ Кавецкій, человекъ смысленный, справедливо возразилъ: «Ну, а какъ весь этотъ людъ догадается, паче чаянія, что хозяинъ намѣренно поддерживаетъ эту междоусобицу? Въдь они сговорятся, пожалуй, и уже тогда оберутъ его совсѣмъ.»

Понятовскій повезъ меня и г. Слоана къ сосѣдкѣ своей (верстахъ въ шестидесяти) богачкѣ графинѣ Враницкой, въ извѣстное ея имѣніе

Бѣлую Церковь (самая усадьба звалась Александрія). Тамъ мы прогостили два-три дня и успѣли разсмотрѣть славный графининъ садъ. Онъ дѣйствительно оправдывалъ молву о немъ, сколько по планировкѣ, столь же и по царскому почти его содержанію, и въ частности по уходу за нѣкоторыми большими дубами и иными деревьями, любимцами хозяйки, стволы которыхъ скоблились во всю вышину и обмывались мыломъ. Особенно поразилъ меня павильонъ, въ видѣ древняго языческаго храма, въ память князя Таврическаго, съ стѣдующею, дерзкою по моему, надписью на фронтонѣ:

**Profane, avant d'entrer, consulte ton coeur:
Peux-tu de l'amitié apprécier la valeur?**

Графининъ столъ, судя по тому чтò подавали при мнѣ, далеко не соответствовалъ роскоши сада; помню между прочимъ какія-то харчевническія котлеты, приготовленныя на несвѣжемъ жирномъ веществѣ, а въ занимаемыхъ нами комнатахъ въ отдѣльномъ корпусѣ подали вечеромъ сальныя свѣчи, хотя, можно полагать, что Понятовскій былъ изъ наиболѣе уважаемыхъ гостей. Впрочемъ, графиня такъ и слыла скопидомкою. Съ сыномъ ея графомъ Владиславомъ Ксаверьевичемъ она была не въ ладахъ за женитьбу его противъ ея воли, и потому рѣдко выдавалась съ нимъ. Старуха графиня Браницкая говорила по французски съ замѣтнымъ Русскимъ акцентомъ и произносила «l'arbre de l'empereur», вмѣсто «l'empereur». Это выраженіе относилось къ одному изъ деревьевъ сада, посаженному самимъ императоромъ Александромъ I-мъ. При ней находились тогда дѣти графа М. С. Воронцова, всего помнится мнѣ, двѣ дочери, изъ которыхъ одна умерла въ малолѣтствѣ, а графъ Семенъ Михайловичъ только что тогда родился. Во весь годъ моего нахожденія въ Одессѣ дѣти графа Воронцова оставались у своей бабушки въ Бѣлой Церкви. Кесарь Осиповичъ Понятовскій (служившій тогда при графѣ Воронцовѣ) рассказывалъ, что когда, на обратномъ пути изъ Таганчи въ Одессу, онъ заѣзжалъ въ Бѣлую Церковь освѣдомиться, не имѣетъ-ли графиня Браницкая какихъ нибудь порученій для своей дочери, то она вычерпнула разъ изъ мѣшка по цѣлой пригоршнѣ драгоценныхъ камней и, не считая, высыпала ихъ въ руки Кесарю Осиповичу для передачи своей «Лизѣ на парюрь». Рассказывали также, что въ бытность графа М. С. Воронцова въ Бѣлой Церкви, гдѣ застали его ранніе холода, а онъ пріѣхалъ по-лѣтнему, теща его, вспомнивъ, что идѣ-то въ кладовыхъ завалялась у нея мужская шуба, приказала принести ее и подарила графу. Оказалось, что эта шуба была чернобурыхъ лисицъ, стоившая нѣсколько тысячъ рублей.

Набѣжалъ въ Таганчу домашній копеллагъ старшаго Попятовскаго, Греко-униатскій брѣтій священникъ: но такъ какъ мѣстная Латинская каменная церковь не была еще достроена, то униатъ-священникъ служилъ по воскресеніямъ читаемую, а не пѣтую обѣдню (*messe-basse*), въ столовой господскаго дома (тамъ же былъ и бильярдъ), для чего стоялъ тамъ большой шкафъ (ни дать ни взять, настоящій бундштубль), который раскидывался, и изъ него дѣлался временный престолъ. А что до антимисса (который у Латинянъ не переносимъ, какъ у насъ, а вставленный наглухо въ верхнюю доску престола), не знаю, какъ это было устроено тамъ; а также не помню, служилась-ли обѣдня по Римскому «миссалу», или по славянски, по чину Златоуста *); но меня удивляло, почему звали Греко-униатскимъ этого дѣрея брѣтій, стриженнаго и одѣтаго, какъ прочіе Латинскіе аббаты. Домашняя прислуга свободно говорила по польски; въ томъ числѣ гитантъ-казаки, сопровождавшій всегда г. Попятовскаго, тогда какъ всѣ эти люди были православною исповѣданія, и почти всѣ мѣстные уроженцы. Все это странно весьма казалось мнѣ, полу-Флорентинцу, которому ничего еще не было тогда извѣстно о вѣрѣ хлонецкой и вѣрѣ панской.

Братъ мой рассказывалъ мнѣ, что на его свадьбѣ, въ Таганчѣ, распита была бутылка старѣйшаго Венгерскаго вина, изъ числа поднесенныхъ королю Яну Собіесскому Вилемъ муниципалитетомъ за спасеніе его города отъ Турокъ въ 1683 году; значить, что вино это было и тогда уже отборнымъ. Въ 1824 г. оставалась еще въ погребахъ Таганчи одна такая же бутылка, которую хранили для свадьбы Олимпіи Осиповны; но смерть похитила эту прелестную дѣвушку.

Наконецъ, добрались мы до Одессы въ самую зношную пору года, сопровождаемую мѣсячнымъ, иногда, болѣе бездождемъ и удушающею пылью отъ шоссеиныхъ улицъ, отъ чего нѣтъ возможности раскрыть окно. Вся трава желтѣетъ и стораветъ, даже листья пирамидальныхъ тополей засыхаютъ (говорю о тополяхъ, потому что они были единственною почти растительностію въ Одесскихъ городскихъ садахъ, и тополя окаймляли многія улицы). Природа снова оживаетъ, и зелень показывается въ степяхъ не прежде Сентября.

Ни графа, ни графини Воронцовыхъ не было тогда въ городѣ, но мы все-таки познакомились съ окружавшими графа лицами. Это были

*) У Латинянъ антимисса нѣтъ вовсе. Его замѣняетъ камень, всегда переносимый. (*Примчаніе графа Дмитрія Николаевича Толстаго*). Спорить не смѣю противъ авторитетнаго моего цензора и корректора, но утверждаю, что на иныхъ Латинскихъ престолахъ и видѣлъ вставленный камень съ мощами.